

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
SPŪTONIKU NO KOIBITO
Copyright © Haruki Murakami, 1999

Перевод с японского *Натальи Куниковой*

Оформление серии «Pocket book» *Андрея Саукова*

Оформление серии «Мураками-мания» *Андрея Старикова*

Мураками, Харуки.

М91   Мой любимый sputnik / Харуки Мураками ;
[пер. с яп. Н. Куниковой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с.

ISBN 978-5-699-52974-2 (Pocket book)
ISBN 978-5-04-101622-7 (Мураками-мания)

...Эта женщина любит Сумирэ. Но не чувствует к ней никакого сексуального влечения. Сумирэ любит эту женщину и хочет ее. Я люблю Сумирэ и меня к ней влечет. Я нравлюсь Сумирэ, но она не любит и не хочет меня. Я испытываю сексуальное влечение к одной женщине — имя не важно. Но не люблю ее. Все так запутано, что сильно смахивает на какую-нибудь экзистенциалистскую пьесу. Сплошные тупики, никто никуда не может выйти. Должны быть альтернативы, но их нет. А Сумирэ в одиночестве уходит со сцены...

«Мой любимый sputnik» (1999) классика современной японской литературы Харуки Мураками — один из самых загадочных романов конца XX века.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-699-52974-2
ISBN 978-5-04-101622-7

© Куникова Н., перевод на русский
язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

СПУТНИК — 4 октября 1957 г. с космодрома «Байконур» (Казахская ССР) Советский Союз запустил первый в истории человечества искусственный спутник Земли — «Спутник-1». Диаметр «Спутника-1» — 58 см, вес — 83,6 кг, он совершил один виток вокруг Земли за 96 мин 12 сек.

Месяц спустя, 3 ноября, так же успешно стартовал «Спутник-2» с собакой Лайкой на борту. Она стала первым животным, отправленным в космическое пространство, но, поскольку «Спутник-2» не вернулся обратно на Землю, Лайку постигла участь жертвы биологических исследований в космосе.

*«Хроника Всемирной Истории»,
издательство «Коданся»*

1

В ту весну Сумирэ исполнилось двадцать два года, и она впервые в жизни влюбилась. Сумасшедшая любовь обрушилась на нее, как смерч, способный вмиг опустошить бескрайнюю равнину: все, что имеет хоть какую-то форму и попадает на пути, он сметает под корень, без разбору швыряет в небо, ни за что ни про что кромсает в клочья и корежит до неузнаваемости, после чего, нимало не утратив мощи, уносится к Тихому океану, безжалостно рушит Ангкор Ват, по пути, в индийских

лесах, испепеляет семейство несчастных тигров, в персидской пустыне превращается в самый и хороший в песке целый экзотический город-крепость. В общем, любовь поистине монументальная. Человек, в которого Сумирэ влюбилась, был старше ее на семнадцать лет. Семейный человек. И кроме всего прочего — женщина. Вот с чего все началось. На этом все и закончилось. Почти все...

В то время Сумирэ буквально из кожи вон лезла, чтобы стать профессиональным писателем. Какое бы великое множество путей-дорог ни дарилась ей жизнь, для Сумирэ не существовало иного выбора — писателем, и точка. Решимость ее была тверда, как тысячелетняя скала. Ни о каком компромиссе речи не шло. Смысл существования Сумирэ и ее вера в Литературу были плотно спаяны друг с другом — волосок бы не пролез.

Сумирэ окончила муниципальную повышенную среднюю школу для 15—18-летних учеников в префектуре Канагава. Затем поступила на литературное отделение скромного и тихого частного института в Токио. Однако заведение было явно не для нее. Все, чему там учили, оказывалось неувлекательным, вялым и абсолютно неприменимым на практике — разумеется, в понимании Сумирэ. Ничто не соответствовало ее представлению о том, как оно должно быть. Короче — сплошное разочарование. Большинство окружающих студентов были безнадежными занудами, заурядными второсорт-

ными экземплярами, к числу которых, по правде сказать, принадлежал и я. Вот почему перед третьим курсом Сумирэ с легким сердцем написала заявление и покинула стены института. Решила, что оставаться и дальше в таком месте — лишь попусту тратить время. А может, она была права. Наверное. Однако, если можно, осмелюсь высказать здесь свою очень банальную, заурядную мысль. Мне кажется, в нашей далекой от совершенства жизни должно быть хоть чуточку бесполезного. Если все бесполезное улетучится, жизнь потеряет даже свое несовершенство.

В общем, Сумирэ была неисправимым романтиком, личностью весьма упертой, ко всему относилась несколько отстраненно и с долей скепсиса, но реальной жизни совсем не знала. Временами, если на нее находил стих поболтать, она могла говорить бесконечно. Правда, если собеседник оказывался «не ее человеком» по духу — а к таким относилась большая часть человечества, — она почти не раскрывала рта. Сумирэ дымила, как паровоз, а когда ехала в метро, обязательно — сто процентов — теряла билет. Частенько, погрузившись в свои мысли, начисто забывала о еде и была тощей, как военные сироты из старых итальянских фильмов, — одни глаза. Чем объяснять словами, лучше, конечно, просто показать ее фотографию, но, к сожалению, у меня нет ни одной. Она ужасно не любила сниматься и совсем не стремилась оставить

Харуки Мураками

потомкам «портрет Художника в юности». Хотя если бы сохранились снимки Сумирэ того времени, они могли бы несомненно стать уникальным документом, запечатлевшим некие совершенно особые качества человеческой природы. Но увы...

Забегая вперед, скажу, что женщину, в которую влюбилась Сумирэ, звали Мюу. По крайней мере, ее все так называли — уменьшительно. Ее настоящего имени я не знаю. (И не знал, из-за чего в один прекрасный день попал в довольно затруднительное положение, но об этом позже.) Мюу была кореянкуй, но почти ни слова не говорила по-корейски до двадцати с лишним лет, когда решительно взялась за изучение языка. Мюу родилась и выросла в Японии, стажировалась во французской Консерватории и поэтому, кроме японского, свободно владела французским и английским. Она была всегда безупречно и со вкусом одета, носила небольшие, но дорогие украшения — как-то буднично, равнодушно — и водила двенадцатицилиндровый темно-синий «ягуар».

Когда они впервые встретились, Сумирэ заговорила о Джеке Керуаке. В то время Сумирэ нырнула в его книги с головой. Она периодически меняла своих литературных идолов, но тогда ее увлек уже несколько вышедший из моды Керуак. У нее в кармане всегда лежали «На дороге» или

«Одиноким странником», и, как только выпадала минутка, Сумирэ утыкалась в книжку. Особо удачные строки она подчеркивала и заучивала наизусть, словно бесценные буддийские сутры. Больше всего ей в душу запал эпизод из «Одинокого странника» — о пожарной вахте в горах. На вершине стояла хижина, где Керуак провел три месяца один-одинешенек — работал пожарным наблюдателем.

Сумирэ цитировала эти строки:

«Человек должен хоть раз в жизни оказаться в крошечной глуши, чтобы физически испытать одиночество, пусть даже задыхаясь при этом от скуки. Почувствовать, как это — зависеть исключительно от себя самого, и в конце концов познать свою суть и обрести силу, ранее неведомую».

— Разве это не прекрасно? — спрашивала меня Сумирэ. — Каждый день стоишь на вершине, обзираешь окрестность на 360 градусов и высматриваешь, не поднимается ли из-за какой-нибудь горы черный дым. Вот и вся работа на целый день. А потом — читай любимые книги, пиши романы. По ночам вокруг хибары бродят огромные мохнатые медведи. Вот это жизнь — как раз то, что мне нужно! А моя учеба на литературном отделении? По сравнению с этим — бессмысленная, как кончик огурца.

— Есть только одна проблема: когда-нибудь

все равно придется слезть с горы, — высказался я. Однако мое приземленное банальное суждение — впрочем, как и всегда — не вызвало в ее душе особых колебаний.

Сумирэ всерьез мучилась над тем, как бы ей стать похожей на героев Керуака, быть такой же «wild», «cool» — дикой, крутой — и чтобы всего этого было «через край». Ходила, засунув руки в карманы, волосы нарочно всклокочены и торчат в разные стороны. Носила очки в черной пластиковой оправе, как у Диззи Гиллеспи, хотя зрение имела вполне приличное, отсутствующим взглядом смотрела в небо. Обычно одевалась в мешковатый твидовый пиджак, который, похоже, купила в лавке старьевщика, и грубые тяжелые ботинки. Уверен — если б могла, она точно отпустила бы себе бороду и усы.

Сумирэ нельзя было назвать красавицей в обычном понимании. Щеки впалые, рот широковат. Нос маленький, кончик слегка вздернут. Сумирэ чувствовала тонко, любила юмор, но сама редко смеялась в голос. Она была маленького роста, но даже в самом хорошем настроении говорила так, словно готова ринуться в бой. Вряд ли за всю свою жизнь Сумирэ хоть раз держала в руках губную помаду или карандаш для бровей. Сомневаюсь, знала ли она, что у лифчиков, вообще-то, существует размер. При всем том нечто в Сумирэ притягивало сердца. Что особенного в этой девуш-

ке — словами не объяснишь. Достаточно было просто заглянуть ей в глаза — там всегда отражалось это «нечто особенное».

Ладно, что бродить вокруг да около... Я любил Сумирэ. С самых первых слов, которыми когда-то мы перекинулись, любовь захватила меня, и постепенно я понял: всё, назад дороги нет. Долгое время никого и ничего, кроме нее, для меня не существовало. Конечно, я несколько раз порывался рассказать ей о своих чувствах. Но почему-то, когда она была рядом, я никак не мог найти подходящие слова. А может, в конце концов даже и лучше, что так вышло. Ведь умудрись я как-то донести до нее свою любовь, она уж точно от смеха бы лопнула.

Покуда я «дружил» с Сумирэ, у меня было две-три девушки, и с ними я встречался. (Не то чтобы я не помнил, сколько их было точно. «Две-три» — зависит от того, как считать.) Если добавить еще и тех, с кем я спал всего раз или два, список окажется чуть длиннее. Когда мое тело занималось любовью с этими девушками, я часто думал о Сумирэ. То есть где-то в уголке моего мозга — иногда я чувствовал это сильнее, иногда слабее — надежно хранился ее образ. Часто, обнимая другую, я представлял, что на самом деле со мной Сумирэ. Конечно, с моей стороны это было не очень честно. Но что толку рассуждать «честно — нечестно», если я просто не мог иначе.

Итак, вернусь к тому, как Сумирэ познакомилась с Мью.

Мью слышала раньше имя Джека Керуака и даже смутно припоминала: вроде он был писателем. Но что это был за писатель, она не помнила напрочь.

— Керуак? Хм... Это который был м-м... «спутником», что ли?

Сумирэ сразу даже не поняла, о чем, собственно, речь. Нож с вилкой так и застыли у нее в руках, и она задумалась.

— Спутник? Искусственный спутник Земли, который Советский Союз первым запустил в начале 50-х? Да, но Джек Керуак — американский романист. Ну да, по времени они, конечно, совпадают, но...

— А разве не так назывались тогда писатели вроде Керуака? — спросила Мью и кончиком пальца очертила на столе круг. Словно память ее была сосудом причудливой формы, на дне которого она и пыталась на ощупь отыскать нужное воспоминание.

— Спутник?..

— Ну да, название литературного направления. Так ведь часто говорят: «Существует такая-то школа...» Точно-точно. Как «Сиракаба»¹.

---

¹ «С и р а к а б а» (яп. «белая береза», 1910—1923) — литературная группа, с деятельностью которой связаны имена писателей-неогуманистов Такэо Арисима, Наоя Сига, Санэацу Мусякодзи...

Тут, наконец, до Сумирэ дошло.

— Битник!

Мюу слегка промокнула губы салфеткой.

— Битник, спутник... Вечно я термины эти забываю. Всякие там «Реставрации Кэмму»¹, «Рапалльские договоры». Да ну их, все это — дремучая история.

Ненадолго воцарилось легкое молчание, как бы напоминая о течении времени.

— Рапалльские договоры? — переспросила Сумирэ.

Мюу улыбнулась. Словно выдвинули ящик, к которому не прикасались целую вечность, и вытащили из его глубины на свет божий эту улыбку — милую улыбку близкого и родного человека. Мюу удивительно красиво прищурилась. Затем протянула руку и узкими длинными пальцами еще больше взъерошила и без того торчавшие в разные стороны волосы Сумирэ — так просто и естественно, что Сумирэ невольно поддалась на этот жест и тоже улыбнулась.

С того дня Сумирэ стала про себя называть Мюу «мой любимый спутник». Она обожала звучание этого слова — «спутник». Напоминало о собаке Лайке. Искусственный спутник Земли бесшумно

---

¹ Р е с т а в р а ц и я К э м м у (1334) — восстановление единоличной императорской власти в Японии императором Го-Дайго после периода, когда реальная власть в стране принадлежала военному правительству, т.н. «бакуфу».

рассекает тьму космоса. Из маленького иллюминатора смотрят черные и такие славные собачьи глаза. Что вообще она там видела, эта псина, посреди бескрайнего космического одиночества?

Разговор о спутнике зашел на банкете по случаю свадьбы двоюродной сестры Сумирэ. Банкет устроили в фешенебельной гостинице в Акасака. Сумирэ не испытывала особой приязни к своей кухне (более того — на дух ее не переваривала), да и все эти обязательные приемы были для нее сущей пыткой. Просто в тот раз она почему-то не сумела отказаться. Их места с Мюу оказались рядом, за одним столом. Мюу особо не вдавалась в подробности: то ли она давала кухне Сумирэ уроки игры на фортепиано, когда та поступала в музыкальный институт, то ли как-то иначе ей помогала. Знакомы они были не давно и не близко, просто невеста хотела выразить Мюу свою признательность, потому и пригласила на свадьбу.

Сумирэ влюбилась моментально — в ту секунду, когда Мюу дотронулась до ее волос, — можно сказать, почти рефлекторно. Словно идешь по широкому полю, и вдруг — бабах! — тебя прошибает молния. В точности как божественное откровение, которое переживает Художник, — вот так это было. И то, что Сумирэ угораздило влюбиться в женщину, в тот момент для нее не имело ровно никакого значения.

Насколько я знаю, у Сумирэ не было «любимого», как это принято называть. В старших классах

у нее водилось несколько приятелей — так, сходить в кино, поплавать вместе в бассейне. Но, думаю, все это для Сумирэ было не очень серьезно. Почти все ее мысли постоянно и неизменно занимало лишь одно страстное желание: стать писателем. Не похоже, чтобы Сумирэ могла так же сильно, всем сердцем прикипеть к кому-то из тех молодых людей. Даже если у нее и был секс (или что-то вроде того) в старших классах, скорее всего, случилось это не по любви или влечению, а из «литературного любопытства».

— Знаешь, а я правда не догоняю, что это за штука такая — «половое влечение», — в один прекрасный день, незадолго до того, как бросить институт, поведала мне тайну Сумирэ. С исключительно серьезным лицом: она выпила уже пять «банана дайкири» и прилично набралась. — Ну как это вообще наступает, на что похоже? Ты бы сам как объяснил?.. Все это?

— Половое влечение — не то, что понимаешь мозгами, — изрек я свое очередное исключительно уместное замечание. — Оно просто существует — и все. Точка.

Сумирэ уставилась на меня и некоторое время пристально изучала мое лицо, будто перед нею возник механизм, приводимый в действие какой-то диковинной движущей силой. А затем, потеряв ко мне всякий интерес, переключилась на изучение потолка. На этом разговор иссяк. Видимо, она решила, что беседовать со мной на подобные темы — гиблое дело.